

Д. В. Гурьев

**О СПЕЦИФИКЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА**

(В СВЯЗИ С ОБСУЖДЕНИЕМ КОНЦЕПЦИИ Ю. И. СЕМЕНОВА)

Советская наука о первобытном обществе, опираясь на идеи классиков марксизма-ленинизма о его происхождении и сущности, уже немало сделала для раскрытия специфики первобытной экономики — закономерностей формирования и развития производительных сил, особенно техники, характера разделения труда, отношений распределения пищи и др. Вместе с тем изучение первобытного способа производства страдает, по нашему мнению, рядом существенных методологических недостатков. До сих пор советские специалисты основное внимание уделяют исследованию производительных сил, особенно первобытной техники, причем нередко их изучают вне связи с экономическими отношениями. Рассматривая способ производства, исследователи говорят преимущественно о производстве средств существования и прежде всего пищи, а не о производстве средств производства, т. е. первом подразделении производства, оказывающем определяющее влияние на все остальные отрасли производства¹. Многие советские археологи и этнографы продолжают расчленять первобытное производство на пищевое и непищевое, включая в последнее такие разнородные виды деятельности, как изготовление средств труда и украшений, жилищ и одежды. Типичным примером этому служит недавно появившаяся в целом интересная книга В. М. Массона, в которой подчеркивается, что «материальное производство отчетливо распадается на две больших сферы — группу производств, связанных с получением и обработкой продуктов питания, и группу внепищевых производств»².

Указанные недостатки связаны также со слабым вниманием многих специалистов к анализу производственных отношений первобытных людей и особенно их связей в самом процессе производства, причем взятого в целом, в единстве его главных отраслей. Не случайно и в упомянутой книге В. М. Массона отмечается, что изучение производственных отношений будет осуществляться им «по мере возможности»³.

Отмеченные нами недостатки и необходимость серьезной критики методологических пороков буржуазных этнографов требуют от советских ученых усиления внимания к методологическим проблемам первобытной экономики. В этом отношении появление статьи Ю. И. Семенова «О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества»⁴ надо считать необходимым и полезным.

¹ Насколько нам известно, лишь в трудах В. М. Бахты первобытная экономика специально рассматривается в плане соотношения I и II подразделений производства. См.: В. М. Бахта, К вопросу о структуре первобытного производства.— «Вопросы истории», 1960, № 7; его же. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968, и др.

² В. М. Массон. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 19.

³ Там же, с. 22.

⁴ Ю. И. Семенов, О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества.— «Сов. этнография», 1976, № 4.

Заслугой автора статьи является привлечение внимания специалистов к новым направлениям в буржуазной этнографии, изучающим экономику первобытного общества, раскрытие несостоятельности целого ряда их методологических положений (отрицание объективности производственных отношений первобытных людей или растворение их в родовых и надстроечных, абсолютизация отличий докапиталистических и капиталистического обществ и др.). Интересен, на наш взгляд, ряд мыслей автора о природе отношений распределения жизненных благ в первобытном обществе, понятий необходимого и прибавочного продукта, надстроечных отношений как волевых.

Вместе с тем, думается нам, статья Ю. И. Семенова наиболее полно выражает указанные выше недостатки, присущие многим советским работам, посвященным изучению первобытной экономики, и потому разбор хотя бы части из них, надо полагать, может иметь общий интерес.

Поскольку рассматриваемая статья Ю. И. Семенова имеет методологический характер, мы также сосредоточим внимание только на методологических проблемах и не будем касаться специально тех или иных частных научных вопросов.

I

Чтобы глубже показать содержание статьи Ю. И. Семенова, мы вынуждены будем рассматривать ее в свете его прошлых работ, ибо главные ее идеи либо прямо повторяют, либо являются непосредственным продолжением идей, специально разработанных им ранее.

В обсуждаемой статье отчетливо прослеживается давняя тенденция Ю. И. Семенова анализировать прежде всего отношения распределения предметов потребления, их генезис и развитие, оставляя в стороне рассмотрение главного — возникновение и развитие процесса производства и отношений в нем его участников. В недавно вышедшей монографии Ю. И. Семенов вновь подчеркнул примат отношений распределения пищи в первобытном производстве: «Стремясь разобраться в том, что происходило в стаде предлюдей и как оно превратилось в первобытное человеческое стадо — формирующееся общество, мы сконцентрировали внимание на отношениях по распределению пищи. И это вполне оправданно, ибо в возникновении разборных отношений и общего пищевого табу заключается сущность перехода от биологического объединения к формирующемуся социальному организму»⁵. Не случайно поэтому и в данной статье фактически игнорируется процесс производства.

Непосредственным выражением такого подхода к анализу первобытного производства является *исходная* идея статьи, заключающаяся в выявлении специфики связи между отношениями распределения жизненных благ и надстройкой в первобытном обществе по сравнению с буржуазным. Ю. И. Семенов видит ошибку буржуазных этнографов лишь в абсолютизации данной специфики, а вовсе не в том, что они игнорируют действительное отличие этих обществ, состоящее в совершенно различном характере их основного производственного отношения — коллективистском, а не эксплуататорском.

Другим прямым следствием абсолютизации роли отношений распределения в первобытном обществе является центральная идея статьи о существовании особых надстроечных имущественных отношений и экономических действий людей, в том числе и первобытных. Продолжая свою концепцию социогенеза, согласно которой производственная деятельность людей появилась до сознания, Ю. И. Семенов высказывает мысль, что в любом обществе производственные отношения также существуют как чисто объективные отношения. Он специально предупреждает, что «включение... волевых связей в производственные отношения в

⁵ Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, с. 111.

качестве одного из элементов» является глубоко ошибочным (стр. 100), ибо это «с неизбежностью ведет... к отрицанию объективного характера производственных отношений» (там же). Поэтому Ю. И. Семенов утверждает, что последние существуют «сами по себе» (стр. 98), их система в буржуазном обществе «выступает перед людьми как объективная реальность, к которой они должны приспособляться...» (стр. 102). Производственные отношения, подобно веревке, «связывают людей воедино, делают их совокупность обществом, одним единым социальным организмом...» (стр. 100).

В то же время Ю. И. Семенов подчеркивает, что, находясь вне сознания, производственные отношения не существуют без него, без волевых имущественных отношений, экономических действий людей, которые представляют собой необходимое их дополнение, их воплощение.

Что же представляют собой акты производственного поведения, которые находятся в центре внимания Ю. И. Семенова? С одной стороны, как воплощение производственных отношений они обладают экономическим содержанием, функцией и в этом отношении тождественны им. С другой стороны, эти акты принадлежат сознательным существам и потому являются субъективными, волевыми; они противоположны производственным связям. Имущественные отношения, подчеркивает Ю. И. Семенов, «не в меньшей степени, чем, скажем, политические, являются *идеологическими* (курсив наш.— Д. Г.), надстроечными» (стр. 103). Акты производственного поведения противопоставляются Ю. И. Семеновым производственным отношениям и в иных аспектах: как единичные — общим и случайные — необходимым (стр. 98, 99 и др.). Только система производственных отношений, утверждает он, «связывает воедино все конкретные волевые отношения с экономической функцией, делая их частичками единого целого» (стр. 100).

Итак, согласно Ю. И. Семенову, в обществе, с одной стороны, существует система всецело объективных, всеобщих, необходимых производственных отношений и, с другой — ее воплощение в виде совокупности субъективных, разрозненных, случайных, единичных актов производственного поведения.

Сравнивая эти акты с существующими в обществе моральными, политическими и другими надстроечными связями людей, Ю. И. Семенов выясняет, что они «резко обособлены», «четко отграничены» от них тем, что не имеют экономического содержания, функции.

В целом имущественные отношения людей, по Ю. И. Семенову, представляют собой нечто вроде гибрида экономического, объективного содержания и субъективной формы с приматом последней. Такое понимание отнюдь не случайно. Оно продолжает известную его идею о первобытном стаде как промежуточном гибридном состоянии между стадом предлюдей и родовой коммуной⁶.

На основании центральной идеи о существовании особых отношений с экономической функцией и трактовки отношений распределения как главных Ю. И. Семенов и осуществляет анализ первобытного производства. Естественно, основное внимание он уделяет характеристике отношений распределения, а не отношений первобытных людей в самом процессе производства. Они, по Ю. И. Семенову, существуют как чисто объективные и проявляются во множество волевых актов распределения. Главное отличие производственных отношений первобытности от производственных отношений в буржуазном обществе Ю. И. Семенов усматривает поэтому не в том, что первые являются отношениями коллективизма, взаимопомощи, а вторые — отношениями эксплуатации, а в отсутствии или наличии вещных, товарно-денежных отношений распре-

⁶ Критику этой идеи см. в нашей статье «К вопросу о возникновении труда» («Вопросы антропологии», 1964, вып. 17).

ления и соответствующих им меркантильных интересов (последние оказываются одинаковыми и у капиталистов и у рабочих). Специфика первобытных производственных отношений (распределения) заключается, по Ю. И. Семенову, также и в том, что они объединяют акты производственного поведения людей прежде всего вследствие очень малого количества производимой пищи и действия родовых отношений, которые, будучи по своей природе замкнутыми и постоянными и тождественными производственным, обуславливали рамки действия отношений распределения. Оба эти фактора определяли и такие существенные признаки отношений распределения, как их коллективный и уравнилельный характер.

В соответствии с исходной идеей центральное место в статье занимает не анализ самих производственных отношений первобытности, а специфика их связи с надстроечными отношениями, в которой Ю. И. Семенов и видит главное отличие первобытного производства от капиталистического. Если вещный характер отношений распределения в капиталистическом производстве предопределял существование особой сферы имущественных отношений и сферы обычных надстроечных отношений, которая лишь косвенно (в отличие от имущественных отношений) детерминировалась производственными связями, то в первобытном обществе, считает Ю. И. Семенов, дело обстоит по-другому. Здесь должен был существовать лишь один, косвенный тип детерминации надстроечных отношений производственными. «В качестве фактора, непосредственно определявшего эти (экономические.— Д. Г.) действия, в первобытном обществе выступали не производственные отношения непосредственно, а мораль» (стр. 105). Вследствие этого, подчеркивает Ю. И. Семенов, имущественные отношения данного общества не выделялись в самостоятельно существующую сферу отношений, экономической деятельности, а переплетались со всеми другими надстроечными отношениями, приобретали помимо экономического содержания также моральное, религиозное и иное содержание и такие же функции, что в свою очередь обуславливало отсутствие между ними сколько-нибудь четкой границы (стр. 109).

Поскольку, как мы видели, анализ специфики первобытных производственных отношений проводится Ю. И. Семеновым на основе идеи о существовании особых волевых имущественных отношений, актов экономической деятельности, и эта идея находит поддержку и у некоторых других авторов (см. стр. 99), постольку мы должны остановиться на ней специально в плане сопоставления ее с соответствующими положениями марксистско-ленинской философии и политической экономии.

II

Хорошо известно, что К. Маркс выделял четыре вида производственных отношений: в процессе производства, обмена, распределения и потребления. По К. Марксу они находятся в неразрывной взаимосвязи, так как «все они образуют собой части единого целого»⁷. Это их единство К. Маркс раскрывает и в том плане, что все они представляют собой проявления общей для них сущности — отношений собственности, ибо в конечном счете все эти виды производственных отношений людей есть их отношения по поводу вещей. Мы присоединяемся к Ю. И. Семенову и другим авторам в их критике тех экономистов, которые выделяют отношения собственности в самостоятельный вид производственных отношений. Ведь не случайно К. Маркс в полемике с Прудоном подчеркивал, что «определить буржуазную собственность — это значит

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 36.

не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»⁸.

К. Маркс не ограничился раскрытием общей сущности главных сторон производственных отношений. Он рассматривает специфику ее проявления в каждой из них. Наиболее полно эта их общая сущность воплощается в непосредственном процессе производства, ибо именно в нем функционирует самая важная, определяющая часть собственности — средства производства. В нем поэтому заключен главный общественный смысл производства, его основные цели и стимулы. Вот почему связи людей в процессе производства являются, по К. Марксу, *основными* производственными отношениями данного общества, определяющими все остальные. В капиталистическом обществе это отношения эксплуатации, экономического подчинения, в первобытном — отношения сотрудничества и взаимопомощи. Очень большое методологическое значение имеет поэтому мысль К. Маркса о том, что именно процесс производства, характер основного производственного отношения определяет социально-экономическую сущность отношений распределения, обмена и потребления. «Распределение, — писал К. Маркс, — само есть продукт производства» и в смысле зависимости его от характера и количества произведенных предметов, а в плане его формы, ибо «определенный способ участия в производстве определяет особые формы распределения»⁹. Не случайно и В. И. Ленин в своем знаменитом определении класса выводит долю и способ получения классами произведенного продукта прямо из отношений их к средствам производства и их места в организации процесса производства¹⁰.

Для нас важно учитывать и то, что К. Маркс определял сущность отношений распределения исходя из констатации их промежуточного положения между производством и потреблением и вследствие этого их опосредствующей роли по отношению к ним¹¹. Именно такое их зависимое и промежуточное положение превращает их в функциональную базу процесса производства и его основного производственного отношения. В частности, без постоянного распределения средств труда и существования не может осуществляться ни процесс эксплуатации в капиталистическом, ни совместный процесс производства в первобытном способе производства.

Изложенная марксова трактовка системы производственных отношений ясно показывает, что в центре исследования любого способа производства, включая и первобытный, должен быть прежде всего процесс производства с его основным производственным отношением, а не отношения обмена и распределения сами по себе, как это мы наблюдаем в статье Ю. И. Семенова. Становится яснее и неоправданность выделения им имущественных волевых отношений по признаку их зависимости от производственных отношений и промежуточного положения между последними и надстроечными связями. Как мы могли убедиться, эти признаки характерны и для отношений обмена и распределения, что, однако, нисколько не делает их волевыми, субъективными.

Абсолютизация Ю. И. Семеновым отношений распределения, рассмотрение их как самостоятельных и связанное с этим исключение из производства актов экономических отношений и действий людей, по нашему убеждению, едва ли согласуются с марксовым учением о сущности общественного производства.

Рассмотрим теперь соотношение этой центральной идеи статьи с ленинской трактовкой общественного производства в свете диалектики общего и отдельного. Хорошо известно, что В. И. Ленин рассматривал об-

⁸ Там же, т. 4, с. 168.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 32.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 31—36.

щее и отдельное как неразрывное единство противоположностей, в рамках которого они взаимопревращаются друг в друга. Отдельное «есть общее» и не существует вне связи с ним, в то же время «общее существует лишь в отдельном, через отдельное», переходит в него. Для нас очень важна мысль В. И. Ленина о том, что общее определяет природу отдельного¹².

В свете этого положения В. И. Ленин в VI главе «Материализма и эмпириокритицизма» специально анализирует общественное производство. В конечном счете общество с его производством существует и развивается благодаря непрерывным производственным и иным видам деятельности отдельных индивидов, которые обязательно включают в себя сознание и волю¹³. В своей совокупности эти виды деятельности и отношения образуют, по В. И. Ленину, новое качество — общественное производство с его общими для всех его участников объективными законами. Отвергнув тезис Богданова о тождестве общественного бытия и сознания, основанный на констатации им лежащего на поверхности факта, что сознание участвует в повседневном поведении людей (в книге он назвал его «пустяковым»), В. И. Ленин переводит решение вопроса на более сущностный, общий уровень. Конечно, пишет он, отдельный производитель прекрасно сознает, что он изменяет технику, вступает в производственные отношения обмена и т. д. Но из этих осознанных, волевых, во многом случайных актов «складывается объективнонеобходимая цепь событий, цепь развития, независимая от... общественного сознания», «не охватываемая им полностью никогда»¹⁴.

Являясь следствием и дополнением отдельного, общее в виде общественного бытия и сознания в каждый данный момент определяет природу всех актов поведения индивидов. Как хорошо показали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, характер стимулов и целей индивида определяется прежде всего господствующим в обществе типом производственных отношений, а также вырастающими из него формами общественных отношений, надстройки.

Таким образом, общее не только необходимо, но и случайно — в отдельных актах поведения людей, не только объективно, но и субъективно (и в виде общественного сознания, и в виде индивидуальных волей и сознаний). Это, естественно, касается и системы производственных отношений. В свою очередь отдельное не только случайно и субъективно, но одновременно необходимо и объективно, так как «есть общее», в определенной мере включает его в себя.

В свете сказанного становится ясной еще одна методологическая неточность Ю. И. Семенова: отрыв общего от отдельного и противопоставление их друг другу, что находит свое выражение в исключении из общественного производства актов производственного поведения людей и включении их в чуждую им область надстройки. В. И. Ленин же, как мы видели, рассматривал эти акты как необходимые моменты общественного производства в единстве с его общими законами и свойствами. Из этого видно, что попытка Ю. И. Семенова лишить акты производственного поведения их объективности, превратить их в чисто волевые неоправданна.

Сопоставим, наконец, эту идею Ю. И. Семенова с марксистским учением о базисе и надстройке. Хорошо известно, что, согласно этому учению, общество вообще и его производство, в частности, нуждаются в непрерывном регулировании, управлении, которое осуществляется и внутри производства посредством осознания его потребностей в виде определенных целей, стимулов, программ, планов и т. д. К. Маркс отме-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 189—192; т. 21, с. 305—310.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

чал, например, что сам кооперативный процесс производства порождает дополнительные стимулы, общие цели, эмоции и др.¹⁵ Классики марксизма-ленинизма показали также, что для нормального функционирования общественного производства помимо собственной информации, стимулов, целей и соответствующих им органов управления производством ему необходимы еще внепроизводственные, внебазисные идеи, цели, стимулы и соответствующие им органы управления, учреждения — политические, юридические, моральные и др. Содержание их, хотя оно непосредственно вырастает из базиса, тем не менее принципиально неэкономическое, надбазисное. Именно это обстоятельство, вместе с соответствующими законами развития каждой части надстройки и надстройки в целом обуславливает ее относительную самостоятельность по отношению к базису, возможность опережать его или отставать от него, по-разному воздействовать на него. Эта самостоятельность надстройки, как неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, выражалась также в том, что прямое (в смысле отсутствия промежуточных звеньев) действие базиса на надстройку выражается по-разному по отношению к различным ее частям и, что очень важно, в виде тенденции.

Нетрудно заметить, что центральная идея статьи с ее включением актов производственной деятельности людей в надстройку не вполне соответствует основным положениям марксистско-ленинского учения о базисе и надстройке произвольным включением в надстройку отношений с экономическим содержанием и такими же функциями, расчленением ее на две резко отличающиеся друг от друга части, приводящим к ликвидации ее целостности, фактическим отрицанием непосредственной определяющей роли базиса по отношению к тому, что принято называть надстройкой, и др.

Конкретным и притом весьма четким выражением указанных недостатков является понимание Ю. И. Семеновым права и политики. отождествление правовых отношений с имущественными, экономическими фактически приводит к ликвидации главного в них — их классового характера, выражающегося в том, что различные виды права (гражданское, административное, международное и др.) в специальных идеях, нормах поведения и пр., в специфичной, внеэкономической форме и содержании отражают коренные *экономические* интересы господствующего класса. С умалением классовой природы права связано и преуменьшение Ю. И. Семеновым роли права в капиталистическом общественном производстве. В статье говорится, что оно «не только не нуждается, но, наоборот, исключает внеэкономическое принуждение», вследствие чего «право при капитализме играет роль лишь рамок» производственного поведения людей (стр. 105). Наоборот, классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали активную роль права и надстройки вообще по отношению к производству, доказывали, что без внеэкономического по своей природе политического, правового, религиозного и пр. принуждения капиталист не может осуществлять эксплуатацию, получать прибавочную стоимость¹⁶.

Сказанное относится и к другим надстроечным отношениям, и особенно к политическим. Приписывание им лишь косвенной связи с базисом неизбежно приводит к искажению их природы, преуменьшению их активности. Получается, в частности, что политика не является концентрированным выражением экономики и что нельзя говорить о первенстве ее над экономикой.

Итак, мы полагаем, можно сделать вполне обоснованный вывод, что центральная идея статьи Ю. И. Семенова о существовании особых над-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 333—347.

¹⁶ К. Маркс в «Капитале» всесторонне раскрыл классовую природу буржуазного права, его огромную роль в выколачивании капиталистами прибавочного продукта из труда рабочих. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, гл. VIII, XXIV и др.

строечных волевых отношений и действий с экономической функцией не полностью адекватна марксистско-ленинскому учению о сущности общественного производства, соотношении его с надстройкой, ленинскому пониманию диалектики общего и отдельного. Поскольку эта идея была положена Ю. И. Семеновым в основу анализа специфики первобытного производства, постольку можно смело предположить, что она должна была сказаться и на результатах этого анализа.

III

1. Прежде всего вызывает возражения общая характеристика Ю. И. Семеновым первобытного производства как совокупности разрозненных индивидуальных действий его участников¹⁷. Как явствует из статьи, совокупный продукт создается каждым индивидом в одиночку, ибо он прекрасно различал продукт, «добытый им», от продукта, «добытого ими», т. е. другими членами коллектива (стр. 111). И только слабость индивидов и очень малый объем произведенной пищи заставлял их вносить результаты их деятельности в общий котел, «делить... с другими членами коллектива» (стр. 104).

Такое понимание первобытного производства, как мы полагаем, не совсем согласуется с марксовой его трактовкой, согласно которой в первобытной кооперации (как и в семье) различные работы ее членов «являются общественными функциями в своей натуральной форме... так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь как органы совокупной рабочей силы»¹⁸. Многочисленные факты подтверждают полную справедливость именно этой оценки первобытного производства. Оно представляло собой отнюдь не простую совокупность индивидуальных (!) деятельностей, а неразрывное единство взаимодополняющих друг друга отраслей производства — изготовления средств труда, охоты, собирательства, позднее скотоводства, земледелия и др., а следовательно, единство групп производственного коллектива, распределяющихся по этим отраслям, работам в соответствии со своими возрастными, половыми и другими данными¹⁹.

Именно кооперативный характер производства в масштабах всего коллектива, функционирование его членов как органов совокупной производительной силы прежде всего определяют коллективный характер собственности, в том числе и на произведенный продукт, отношения взаимопомощи в процессе его производства и распределения. Слабость производительных сил и ограниченность произведенного продукта также способствовали такому характеру труда и распределения, но только этим их объяснить нельзя.

2. В статье, с нашей точки зрения, отсутствует основное — характеристика производственных отношений первобытного общества в целом и прежде всего анализ главного производственного отношения. Вместо этого наибольшее внимание уделено исследованию отношений распределения, притом взятых вне системы производственных отношений, что, как мы видели, далеко не во всем соответствует учению о них К. Маркса.

¹⁷ Такое понимание первобытного производства Ю. И. Семеновым отражено и в его статье «Проблема начального этапа родового общества», где абсолютизируется индивидуальный характер изготовления орудий труда и недооценивается коллективная природа собственности на землю («Проблемы истории докапиталистических обществ», с. 187—190).

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 88.

¹⁹ В. М. Бахта. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество; Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе.— «Проблемы истории первобытного общества» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IV), М., 1960; Г. П. Григорьев. Восстановление общественного строя палеолитических собирателей и охотников.— В сб.: «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972; В. М. Массон. Указ. раб., и др.

3. Как и в предыдущих своих работах, Ю. И. Семенов фактически сводит отношения распределения к разбору пищи, оставляя в стороне распределение других средств существования и средств труда. Он вновь подчеркивает, что в первобытных коллективах именно пища «всегда была основным объектом распределения» (стр. 104). Более того, оказывается, что коллективный характер собственности на орудия труда определялся таким же характером собственности на пищу, равно как «их распределение между членами коллектива определялось теми же самыми принципами, что и распределение пищи» (стр. 108). В свете вышеизложенного легко заметить неоправданность такой характеристики отношений распределения, отличие ее от марксовой. Отметив ошибочность сведения буржуазными экономистами этих отношений к распределению продуктов и рассмотрению их как самостоятельных, К. Маркс со всей определенностью подчеркнул, что распределению продуктов предшествует «распределение орудий производства и.. распределение членов общества по различным родам производства» и что поэтому «распределение продуктов есть, очевидно, лишь результат этого распределения, которое заключено в самом процессе производства и которое определяет структуру производства»²⁰.

4. Субъективизация производственной деятельности людей вместе с преувеличением роли морали в жизни первобытных индивидов вынудили Ю. И. Семенова присоединиться к мнению буржуазных ученых о том, что «имущественные отношения в первобытном обществе непосредственно определяются моралью...» (стр. 106), а не производственными отношениями (там же). Конечно, отдельные акты производственного поведения всегда и везде детерминируются и господствующими в данном обществе моральными принципами, нормами поведения, а также другими формами общественного сознания. Но это обстоятельство не может отменить главного — непосредственно определяющей роли существующих в данном обществе производственных связей по отношению к поведению людей. Именно они дают людям основные стимулы и цели поведения. Отрицание прямой детерминирующей роли общественного производства по отношению к надстройке применительно к первобытному обществу является, на наш взгляд, уступкой буржуазным ученым в этом важном теоретическом вопросе. Никакие ссылки на специфику этого общества не могут оправдать данной позиции.

5. Одну из главных особенностей первобытного общества Ю. И. Семенов видит в том, что в нем в отличие от буржуазного общества существует только один, косвенный тип детерминации производственными отношениями поведения людей, что имущественные отношения поэтому в то время еще не выделились из надстроечных. Нетрудно заметить, что эти мысли являются прямым следствием центральной идеи статьи. Произвольное перемещение имущественных отношений людей из сферы производства в сферу надстройки как раз и рождает надуманную, на наш взгляд, проблему разграничения их отношения к базису от отношения к нему со стороны других надстроечных связей людей, которое, естественно, различно в разных формациях. Раскрытая выше некорректность данной идеи, естественно, приводит к неправильным выводам из нее. И в первобытном обществе действовал общесоциологический закон прямой определяющей роли производственных связей людей по отношению к актам их производственного поведения, ибо последние и там находились в сфере производства. По этой причине они и в то время были четко отделены от всех надстроечных связей людей, включая и моральные. Влияние последних на акты производственного поведения первобытных людей было очень большим, но оно само было вторичным по отношению к базису и не могло отменить его главной определяющей роли по отношению к поведению людей.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 33.

Таким образом, вследствие неправильных методологических установок (абсолютизация отношений распределения и недооценка процесса производства, субъективизация производственной деятельности людей) Ю. И. Семенов, по нашему убеждению, не смог осуществить свой замысел и дать характеристику системы производственных отношений первобытного общества, выявить ее действительную специфику.

IV

Попробуем теперь, опираясь на основные положения марксистско-ленинской философии и политической экономии, наметить некоторые пути решения проблемы специфики первобытных производственных отношений.

1. Совершенно очевидно, что исследование первобытного производства надо осуществлять не только в плане анализа отдельных отраслей, но и в более общем, существенном аспекте рассмотрения его как целостной системы отраслей, работ. Только такое изучение первобытного производства, полагаем мы, даст ключ к пониманию его природы, его производственных отношений.

2. Большое методологическое значение для исследования первобытного производства имеет выработанный К. Марксом принцип расчленения его на I и II подразделения, дающий ключ к пониманию его генезиса²¹, законов его функционирования и развития. Именно возникновение и дальнейшее развитие производства комплекса средств труда обусловило появление социальных, трудовых деятельностей по добыванию средств существования, дальнейший прогресс их социальной сущности, а следовательно, и всей жизнедеятельности людей. Без анализа генезиса производства и употребления средств труда невозможно понять процесс превращения биологических отношений размножения в человеческие, социальные связи между родителями и детьми, противоположными ми полами, которым Ю. И. Семенов уделяет такое большое внимание.

3. Исследование производственных отношений первобытного производства необходимо вести в единстве их форм и в то же время раскрывать определяющую роль главной из них — отношений в непосредственном процессе производства. Именно отношения взаимопомощи, коллективизма и в масштабе всего производственного коллектива и в отдельных работах прежде всего предопределяли такой же характер отношений распределения, воспитания потомства и вообще всей жизнедеятельности первобытных людей.

4. Хотя отношения распределения в первобытном обществе давно находятся в центре внимания археологов и этнографов и многое уже сделано для раскрытия их природы, все же характеристика их, очевидно, требует дальнейшей конкретизации.

Прежде всего следует более глубоко исследовать зависимость их свойств от сущности процесса производства с его основным производственным отношением. В самом деле, каждодневные отношения взаимопомощи в процессе комплексного производства не могли не определять такой же характер и отношений распределения, который подкреплялся к тому же малым и неустойчивым количеством средств существования. Замкнутость, обособленность процесса производства, основного производственного отношения обуславливала такой же характер и отношений распределения.

Исследование первобытных отношений распределения должно исходить из указанных выше двух главных особенностей отношений распределения вообще, установленных К. Марксом: их функциональной роли по обеспечению нормального хода процесса производства и потреб-

²¹ О методологическом значении марксова подразделения производства на эти части для понимания социогенеза см. нашу книгу «Становление общественного производства» (М., 1973).

ления и зависимости их от характера процесса производства. Очевидно, что свою обеспечивающую роль первобытные отношения распределения должны были выполнять прежде всего по отношению к процессу производства в виде отношений распределения средств труда и совокупной рабочей силы. Как показывают многочисленные факты, первое обеспечивало нормальное функционирование производства путем непрерывного распределения создаваемых средств труда (независимо от того, изготовлялись ли они преимущественно каждым для себя или мастерами с последующим специальным распределением их) среди всех трудоспособных членов коллектива. Оно в принципе было *равнообеспечивающим* в плане создания условий для производственной деятельности всех трудоспособных и *равнообязательным* в смысле принципиально одинаковой возможности создания или получения каждым из них соответствующих средств труда. В то же время распределение их всегда осуществлялось с учетом индивидуальных особенностей использующих их работников, и в этом аспекте оно было в принципе *неравным*.

Распределение рабочей силы тоже являлось всеобщим, *равнообязательным* в том смысле, что все трудоспособные члены коллектива должны были выполнять те или иные работы, и *равнообеспечивающим* по отношению к последним. Оно было также и *неуравнительным* в плане учета индивидуальных, половых и возрастных особенностей рабочей силы.

Распределение средств существования в рассматриваемом нами аспекте в основном обладало теми же фундаментальной важности чертами. Оно тоже было *равнообязательным* по отношению ко всем членам коллектива, *равнообеспечивающим* в смысле поддержания в нормальном состоянии рабочей силы (в том числе и будущей) и *неуравнительным* в отношении учета реальных, общественно важных потребностей различных членов коллектива.

Таким образом, в рассматриваемом нами аспекте отношения распределения первобытного общества были воплощением единства равенства и неравенства с приматом первого, ибо именно оно выражало их социальную сущность. Эти отношения были не только жизнеобеспечивающими, но и прежде всего *производственно-обеспечивающими*, на что в нашей литературе обращается недостаточное внимание.

В исследовании первобытных отношений распределения очень большое значение имеет анализ зависимости их от основного производственного отношения первобытного производства, а также от порождаемого им у первобытных людей духа коллективизма, взаимопомощи. Только учет его определяющего действия на всю жизнедеятельность людей того времени (а не просто слабости их) позволит по-настоящему понять главные причины общественной природы собственности на средства производства и существования, принципиального равноправия всех членов коллектива, выражающегося, в частности, в *равнообязательном* характере отношений распределения.

Итак, под первобытными отношениями распределения надо понимать, мы полагаем, такие производственные отношения, которые осуществляли функции в принципе равного обеспечения всех общественно необходимых работ посредством соответствующего равнообязательного обеспечения их участников необходимыми средствами труда и существования, с учетом их индивидуальных особенностей. Определение их как *равнообеспечивающих* и *равнообязательных* наиболее полно, по нашему мнению, выражает их общественную природу, нежели получившее широкое распространение в нашей литературе понимание их как *уравнительных* и *равнообеспечивающих* только в плане распределения средств существования.

5. Вслед за Ю. И. Семеновым мы совершенно не затрагивали здесь отношений обмена и потребления в первобытном обществе. Учитывая

большую важность этих проблем и их очень малую разработанность, можно полагать, что они вскоре займут достойное место в трудах советских специалистов по первобытному обществу.

6. Нам представляется неправильной проявляющаяся в статье Ю. И. Семенова тенденция сопоставлять первобытное общество с буржуазным прежде всего по характеру распределения, объединять его в этом отношении с рабовладельческим и феодальным. Такой подход смазывает коренное отличие первобытного общества от всех классовых в главном — в характере процесса производства, основного производственного отношения (сотрудничество, взаимопомощь и эксплуатация, угнетение), что, конечно, не может не затруднять исследование его сущности.

7. По-прежнему остается малоразработанным вопрос о соотношении экономических и родовых отношений в первобытном обществе. Не получил он развития и в обсуждаемой статье, в которой Ю. И. Семенов в основном лишь повторил свои спорные идеи о тождестве этих отношений на раннем этапе развития первобытного общества, о превращении экзогамных отношений из материальных в идеологические и др. Учитывая недостаток места и то, что мы частично уже высказывали свое отношение к этим идеям Ю. И. Семенова²², мы не будем обсуждать их здесь.

8. Остается во многом нерешенным вопрос и о специфике первобытного производства. Одни авторы, в том числе и Ю. И. Семенов, усматривают ее прежде всего в большой роли в нем родовых и надстроечных отношений, т. е. фактически оставляют в стороне действительные экономические особенности этого способа производства. Другие справедливо стремятся выявить специфические признаки способа производства, но ограничиваются лишь перечислением их без раскрытия их субординации, внутренней связи²³.

Типичным методологическим недостатком анализа данного вопроса является рассмотрение специфики первобытного производства вне связи со всеми последующими способами производства. Вместо этого она исследуется узко — в сопоставлении с каким-либо одним типом производства, преимущественно с капиталистическим. В результате этого выявляется не вся специфика первобытного производства, а только часть ее, например, невещный, нетоварный характер распределения. Зачастую даже остается в стороне его специфика, заключенная в основном производственном отношении того периода, и этот способ производства объединяется вместе с рабовладельческим и феодальным в их противоположности капиталистическому по типу отношений распределения. Узкий подход к выявлению специфики первобытного способа производства в свою очередь обусловлен другим методологическим недостатком — отсутствием общей основы сравнения его с другими способами производства.

Классики марксизма-ленинизма в принципе решили рассматриваемый нами вопрос. Согласно К. Марксу, все способы производства обладают и собственными неповторимыми закономерностями, чертами, отличающими их друг от друга, и общими чертами, законами, отражением которых является понятие «производства вообще»²⁴. К ним он относил собственность, труд, законы его разделения и объединения и др. Именно общие законы производства, в частности закон соответствия производственных отношений того или иного способа производства уровню развития и характеру его производительных сил, определяют, по

²² См. В. М. Бахта, Д. В. Гурьев, И. Ф. Кузнецов. Еще раз о книге Ю. И. Семенова — «Вопросы философии», 1965, № 6.

²³ См. В. М. Бахта, Т. В. Сенюта. Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии. — В сб.: «Охотники, собиратели, рыболовы».

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 21.

К. Марксу, частные законы, особенности, черты любого способа производства, его существенные отличия от других.

К. Маркс показал также, что все способы производства отличаются друг от друга еще и той модификацией, которую необходимо претерпевают общие моменты и законы в каждом из них в соответствии с их частными законами и свойствами. Так, труд вообще по-разному конкретизируется в способах производства в виде первобытного труда с его специфическими свойствами, абстрактного труда при капитализме и т. д. Аналогичным образом К. Маркс различал типы кооперации²⁵.

Как видим, К. Маркс показал, что именно общие законы и моменты материального производства, существующего в своих отдельных формах, способах, являются основой их отличия друг от друга. Это справедливо и в отношении порождения ими частных законов и черт каждого способа производства, и в плане своей особенной модификации в них.

Идеи К. Маркса дают ученым логическую базу для научного сравнения всех способов производства по общим для них и существенным, а не единичным и второстепенным признакам, нацеливают на целостное их исследование. Эти идеи позволяют также раскрыть специфику того или иного способа производства не просто самого по себе, а в связи со всеми другими способами, как исторически определенного этапа развития материального производства в целом.

Классики марксизма-ленинизма видели главную специфику первобытного производства в том, что он являлся первым этапом развития материального производства. Обладая всеми его главными моментами, законами, он в то же время отличался, во-первых, неразвитостью, ограниченностью. Характеризуя древние общественно-производственные организмы, К. Маркс подчеркивал: «Условие их существования — низкая степень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе»²⁶. Во-вторых, этот способ производства не мог не нести на себе печати своего происхождения. Как неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, и труд, и его разделение, и собственность, и прочие моменты первобытного производства в той или иной степени обладали биологическими чертами. Говоря об указанных производственных организмах, К. Маркс отмечал, что они покоятся не только на общественной собственности, но и на «незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми...»²⁷.

Эти две главные черты первобытного производства определяли не только указанную модификацию общих моментов производства, но и специфику его собственных законов и черт: отношения взаимопомощи в процессе производства, непосредственный характер соединения рабочей силы со средствами производства, указанные выше особенности распределения и др.

Специфические черты первобытного производства достаточно полно раскрыты в трудах советских ученых, и поэтому мы на них не будем останавливаться. Однако мы полагаем, что было бы полезно исследовать их специально, во внутреннем единстве их основных проявлений, раскрыть те потенции первобытного производства, которые обусловили возможность превращения его в более развитый способ производства.

Итак, сущность специфики первобытного производства, как мы старались показать, заключается прежде всего в неразвитости, абстрактности его социальной сущности, всеобщих экономических законов, момен-

²⁵ Там же, т. 23, с. 346 и др.; т. 46, ч. I, с. 36—45 и др.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 89.

²⁷ Там же.

тов и в наличии у него черт его биологического прошлого. Эти его особенности пронизывают собой, определяют конкретную природу и собственных законов, и черт первобытного производства, и специфику проявления в нем общих законов и моментов материального производства. О справедливости данного вывода свидетельствует, полагаем мы, вся дальнейшая история развития общественного производства. Как известно, сущность ее заключалась в конкретизации, развитии прежде всего всеобщих существенных его моментов и законов, а также в сбрасывании им с себя остатков биологического прошлого, во все большем отдалении от него в плане укрупнения производства до глобальных масштабов, все большего пронизывания его разумными, гуманными целями, свойственный социалистическому и будущему коммунистическому способу производства.

**TOWARDS THE QUESTION OF THE SPECIFICITY
OF RELATIONS OF PRODUCTION
IN PRIMITIVE SOCIETY
(IN CONNECTION WITH THE DISCUSSION
ON THE IDEAS OF Yu. I. SEMENOV)**

The paper is primarily devoted to analysing the basic concepts in primitive production in the light of the categories of historical materialism and Marxist political economy, to elucidating their methodological role in the study of specifically primitive relations of production. In the light of these categories the author discloses the negative, from his viewpoint, features in Yu. I. Semenov's paper «On the specificity of relations of production (social-economic relations) in primitive society» («Sovetskaya Etnografia», 1976, 4). These features comprise the concentration principally upon analysis of food and its distribution instead of upon production and the distribution of means of labour or the role of links between primitive people within the production process which are determinative for all their other economic and spiritual interrelations etc. Certain ways towards resolving the problem of the specificity of primitive relations of production are outlined in the paper on the basis of the ideas of Marxist philosophy and political economy.